

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ

Читатели «Слова о полку Игореве» обычно воспринимают его вне связи с культурой и особенно литературой его времени. «Слово» кажется памятником одиноким, исключительным, а потому и в какой-то мере загадочным. Загадочным представляется все — и история его открытия, и своеобразие его поэтической формы. Между тем «Слово» вовсе не одиноко, а исключительность и своеобразие его — не более чем «одинокость» любого гениального произведения. В целом же отнюдь не случайность и открытие его на общем фоне множества археографических открытий и публикаций второй половины XVIII века.

«Слово о полку Игореве» было найдено в начале 90-х годов XVIII века известным любителем и собирателем русских древностей А. И. Мусиным-Пушкиным. Текст «Слова» находился в сборнике древнерусских произведений, оригинальных и переводных. Сборник был приобретен Мусиным-Пушкиным в числе других рукописей у бывшего архимандрита закрытого к тому времени Спасо-Ярославского монастыря — Иоила Быковского. Кроме «Слова» этот сборник заключал в себе «Хронограф», летопись, называвшуюся «Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Русская», «Сказание об Индийском царстве», «Повесть об Акире Премудром» и «Девгениево деяние» (рассказ о героических подвигах Девгения).

Первое, очень краткое сообщение о «Слове» было сделано известным поэтом того времени М. М. Херасковым в 1797 году, во втором издании его поэмы «Владимир». Затем о «Слове» несколько более подробно сообщил Н. М. Карамзин в октябрьской книжке (за 1797 год) журнала «Spectateur du Nord» («Северный наблюдатель»), издававшегося французскими эмигрантами в Гамбурге.

С рукописи «Слова» сняты были копии; одна из них, предназначавшаяся для Екатерины II, дошла до нас. Кроме переписанного текста «Слова» Екатерининский список заключал в себе перевод, примечания и краткую справку о «Слове». В XVIII веке были сделаны ещё и другие

переводы «Слова», постепенно совершенствовавшие первый, в котором было много ошибок от явных непониманий древнерусского языка.

В 1800 году «Слово» было издано А. И. Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве с его учеными друзьями: А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским — двумя лучшими знатоками древнерусских рукописей того времени.

В 1812 году сборник, включавший «Слово», сгорел в московском пожаре вместе со всем ценнейшим собранием древнерусских рукописей в доме А. И. Мусина-Пушкина. В собрании А. И. Мусина-Пушкина сгорели и другие рукописи первостепенного значения, как, например, знаменитая Троицкая летопись самого начала XV века, которой широко пользовался Н. М. Карамзин в своей «Истории Государства Российского». Сгорела и большая часть экземпляров первого издания «Слова».

Нет ничего удивительного в том, что «Слово» сохранилось только в одном списке. В единственном списке дошло до нас не только «Слово о полку Игореве», но и множество других произведений древней русской литературы, среди них такие первоклассные, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о погибели Русской земли» (второй список его был обнаружен только в 40-х годах XX века), «Повесть о горе и злочастии», «Повесть о Сухане» и др.

Нет ничего удивительного и в том, что список «Слова о полку Игореве» был открыт именно в конце XVIII века. Вторая половина XVIII века была вообще временем находок и публикаций огромного числа литературных произведений и документов Древней Руси.

Еще Петр I издал ряд распоряжений о сборе древних рукописей «из всех епархий и монастырей». Аналогичные распоряжения выходили и после смерти Петра I, но особенно энергично сборы и публикации памятников стали производиться при Екатерине II. Указы о сборе рукописей исходили и от самой императрицы, и от Академии наук, и от Синода.

В 1767 году была издана Радзивилловская летопись. В том же году вышла первая часть «Русской летописи по Никоновому списку». Затем вышли в свет Новгородский и Архангелогородский летописцы. Изданы были «Древний летописец» (Спб., 1774—1775, части 1—2), затем — «Русский временник», «Сказание об осаде Троицкого монастыря» Авраамия Палицына и др.

Инициатива отдельных ученых была весьма интенсивной. Н. А. Львов издал «Летописец русский до царя Ивана Васильевича» (Спб., 1784, части 1—5). Н. И. Новиков издал в 10 частях «Древнюю российскую вивлиофику» (1773—1775), в которой увидело свет множество памятников и документов, а затем переиздал это огромное собрание со значительными дополнениями уже в 20 частях (1788—1791). Им же были изданы отдельными книгами «История о невинном заточении боярина А. С. Матвеева» (М., 1776; второе издание — М., 1785), «Древняя российская гидрография» (М., 1773), «Скифская история» Андрея Лызлова

(Спб., 1776; 2-е издание — М., 1787) и многое другое. Одно перечисление изданий, в которое нужно было бы включить издания Ф. О. Туманского, В. Г. Рубана, М. Д. Чулкова, И. М. Стриттера, составило бы солидную библиографию. Замечательно, что одно и то же произведение часто печаталось независимо друг от друга рядом ученых. Так, например, «Русская Правда» была издана А. Л. Шлецером, А. И. Мусиным-Пушкиным, И. Н. Болтиным. Судебник Ивана IV издавали С. Башилов, Г. Ф. Миллер, Н. И. Новиков. По поручению Екатерины II А. А. Барсов и Х. А. Чеботарев составляли для нее свод русских летописей, и она сама составила «Записки касательно Российской истории» (в 6 частях, вышедших в 1767—1794 годах). Это личное увлечение Екатерины II русской историей распространилось и в среде, близкой ко двору. Многие сделали для собирания и издания памятников и сам А. И. Мусин-Пушкин, открывший «Слово». Он имел ко времени публикации «Слова» репутацию солидного археографа и издателя памятников. Ему, например, принадлежало издание «Духовной» Владимира Мономаха (так было названо им «Поучение»).

I

«Слово о полку Игореве» посвящено неудачному походу на половцев в 1185 году Новгород-Северского князя Игоря Святославича с немногими союзниками, походу, окончившемуся страшным поражением. Автор призывает русских князей сплотиться для отпора степи, совместными усилиями оборонять Русскую землю.

«Слово о полку Игореве» с гениальной силой и проникновенностью отразило в себе главное бедствие своего времени — недостаточность государственного единства Руси и, как результат, слабость ее обороны от натиска степных кочевых народов, в быстрых набегах разорявших старые русские города, опустошавших села, угонявших в рабство население, проникавших в самую глубь страны, всюду несших с собою смерть и разрушение.

Ослабление государственных связей Руси было неизбежным следствием ее феодализации. В XII веке полностью возобладала феодальная раздробленность. Обширное древнерусское государство с центром в Киеве, эпоху расцвета которого следует относить к X — началу XI века, теперь, в XII веке, распалось на множество княжеств, лишь слабо объединенных между собой государственной общностью. Это распадение произошло под влиянием развития феодального способа производства. В отдельных княжествах Руси — в Новгороде, в Полоцке, в Чернигове, во Владимире-Суздальском и Владимире-Волынском, в Переяславле Залесском и Переяславле Южном — окончательно сложилась феодальная экономика. Крестьянские общинные земли были захвачены феодалами.

Растет крупное землевладение, растут новые города, усиливается борьба городов за городские вольности, и она сопровождается вспышками открытой классовой борьбы «черного люда» против местной феодальной знати.

Обширное, но уже слабое в XII веке древнерусское государство не имело достаточно экономических и военных сил, чтобы помочь феодалам повсюду осуществлять свое господство и защищать страну от вторжений врагов. Феодалы, чтобы принудить крестьян работать на себя, создавали на местах свой суд, свое войско, свое управление. Так, исподволь, образовывались отдельные княжества — «полугосударства», происходило их обособление.

Хотя распадение Руси на множество княжеств явилось следствием экономического подъема, роста производительных сил на местах, оно вскоре стало сильнейшим препятствием для развития страны — экономического и политического.

Особенно ослаблялась внешняя оборона Русской земли. Князья отдельных княжеств проводили свою обособленную политику, считаясь в первую очередь с интересами местной феодальной знати, стремясь защитить и увеличить свои личные земельные владения и владения местного земельного боярства путем захвата земель соседей, и вступали в бесконечные междоусобные войны, призывали себе на помощь врагов Русской земли — половцев.

Общерусская власть киевского князя не исчезла еще полностью, но ее значение неудержимо падало. Князья уже не боялись киевского князя и наперерыв стремились к захвату Киева, чтобы увеличить свои владения и использовать гаснущий авторитет Киева в своих интересах.

Однако идея единства Руси отнюдь не умирает в XII веке. Она высказывается в летописях. Она провозглашается отдельными князьями, использующими ее популярность в своих эгоистических целях. Она реально поддерживается культурным единством русского народа, общностью русского языка на всей территории Русской земли, общностью народного творчества, общностью судебных установлений, денежной системы — единых повсюду. Идея единства Руси продолжала существовать в народе.

В летописях, в «Поучении» Владимира Мономаха, в «Слове о князьях», в «Киево-Печерском патерике» и даже в церковной службе «Покрову» с разной степенью силы и убедительности высказывались те же идеи необходимости прекращения княжеских усобиц и объединения ради обороны Русской земли.

Вот как происходили события похода храброго князя небольшого Новгород-Северского княжества Игоря Святославича. С небольшими силами, не сговорившись с киевским князем Святославом, Игорь Свято-

славич Новгород-Северский, очертя голову, «не сдержав юности», как о нем говорит летопись, отправился в далекий поход на половцев, замыслив дойти до берегов Черного моря и вернуть Руси далекую Тмуторокань, когда-то входившую в состав Черниговского княжества и находившуюся на месте нынешней Тамани.

Игорь отправился в поход раннею весною 1185 года. Кроме самого Игоря Святославича в походе участвовали его сыновья и князь Святослав Ольгович Рыльский. В походе, у берегов Донца, войско Игоря застало затмение солнца, считавшееся на Руси предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. У Оскола к войску Игоря присоединился его брат Всеволод буй-тур (это прозвище дает ему автор «Слова о полку Игореве») — князь Курский и Трубчевский.

Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские «сторожа» (разведчики) донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. «Сторожа» советовали возвратиться. Но вернуться домой без победы Игорь счел позором и предпочел идти навстречу смерти.

Первое столкновение войск Игоря с половцами было удачным. Русские преследовали половцев, захватили обоз и пленных.

На следующий день с рассветом половецкие полки, подобно лесу («как борове»), стали наступать на русских. Небольшое русское войско увидело, что оно собрало против себя всю Половецкую землю. Но и тут отважный Игорь не поворотил полки. Он произнес краткую ободряющую речь и приказал конным спешиться, чтобы пробиваться сквозь половецкие полки всем вместе — и конной княжеской дружине, и пешему ополчению из крестьян. Трое суток, день и ночь, медленно пробивался Игорь к Донцу со своим войском. В бою Игорь был ранен. Отрезанные от воды воины были истомлены жаждою.

На рассвете утром вспомогательные полки из осевших на Руси кочевников — так называемые кову́и — дрогнули. Игорь снял шлем, чтобы быть узанным, поскакал за ними их остановить, но не смог их задержать и отдалился от своего войска. На обратном пути, в расстоянии полета стрелы от своего полка, он был пленен половцами. Схваченный, он видел, как жестоко бьется его брат Всеволод.

Поражение Игоря Святославича имело несчастные последствия для всей Русской земли. Никогда еще до того русские князья не попадали в плен к половцам. Половцы приободрились и с новой энергией ринулись на русские княжества. «Отворились ворота на Русскую землю», по выражению летописца...

В плену Игорь пользовался относительно свободой и почетом. За него, как за раненого, поручился половецкий хан Кончак.

Половец Лавр предложил Игорю бежать. Игорь сперва отказался пойти «неславным путем», но вскоре ему стало известно, что возвращающиеся с набега на русский город Переяславль половцы, обозленные

неудачами, собираются перебить всех пленных. Игорь решил бежать. Время для бегства было выбрано вечернее — при заходе солнца. Игорь послал к Лавру своего конюшего, веля перебраться на ту сторону реки с поводным конем. Половцы, стерегшие Игоря, напились кумыса, играли и веселились, думая, что князь спит. Игорь перебрался через реку, сел там на коня и незамеченным проехал через половецкий стан.

Одиннадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, убегая от погони. Приехав в родной Новгород-Северский, он вскоре пустился в объезд — в Чернигов и в Киев, ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с радостью.

Так рассказывают о походе Игоря Святославича летописи. В «Слове» же нет систематического рассказа о походе Игоря. Поход Игоря против половцев и поражение его войска — это для автора повод для глубокого раздумья о судьбах Русской земли, для страстного призыва объединиться и защитить Русь. Эта мысль — единение русских против общих врагов — и является главной мыслью произведения. Горячий патриот, автор «Слова» видит причину неудачного похода Игоря не в слабости русских воинов, а в князьях, которые не объединены, действуют порознь и разоряют родную землю, забывают общерусские интересы.

2

Чтобы понять художественные особенности «Слова о полку Игореве», необходимо рассмотреть их на общем фоне эстетических представлений его времени.

Для Древней Руси очень характерен монументально-исторический или монументально-динамический стиль. Он сказывается в архитектуре, в живописи и литературе. Это стиль, в пределах которого все наиболее значимое и красивое представляется монументальным, величественным. Стремясь видеть окружающее в рамках представлений этого стиля, летописцы, авторы житий, церковных слов смотрят на мир как бы с большой высоты или с большого удаления — удаления времени или пространства. В этот период развито особое «панорамное зрение», стремление подчеркивать огромность расстояний, сопрягать в изложении различные удаленные друг от друга географические пункты, придавать большое значение различиям общественного положения действующих лиц, создавать произведения, рассчитанные на вечность и на доминирование в окружающем ландшафте — городском и природном, а также в книжном окружении (если это памятники письменности). Произведения, хотя и скромные по размерам, должны были тем не менее символизировать что-то большое, значительное, «вечное», напоминать о нем.

Вот почему в летописях действие перебрасывается из одного географического пункта в другой, находящийся в другом конце Русской земли. Рассказ о событии в Новгороде сменяется рассказом о событии во Влади-

мире или в Киеве, далее упоминается событие в Смоленске или Галиче и т. п. Такая особенность летописного повествования создается не только потому, что в летописи обычно соединяются разные по своему географическому происхождению источники. Особенность эта соответствовала самому духу исторического повествования. Она захватывала читателя, увлекала ощущением «пространства истории».

В том, что такого рода «ландшафтное зрение» при изображении исторических событий было эстетической реальностью, а не случайным следствием соединения различных летописных источников — киевских, новгородских, ростовских, владимирских и т. д., убеждает «Поучение» Владимира Мономаха. В своей автобиографии, созданной на грани XI и XII веков, Мономах ведет повествование так же, как и в летописи: соединяет в едином изложении различные географические пункты. Свою жизнь Мономах воспринимает в крайних географических пределах, до которых он доходил в своих походах, охотах и переездах. Он доходил до «Чешского леса» на западе, до Волги на востоке, углублялся в половецкую степь на юге, за Сулу, за Хорол, к Дону. Значительность своей жизни он подчеркивает дальностью своих походов, многочисленностью переездов. Он упоминает множество географических пунктов, где он бывал во время своих походов, и именно этим он измеряет свой «труд», дело своей жизни.

Автор «Слова о погибели Русской земли» (произведение XIII века) говорит о ее былом благополучии опять-таки с высоты огромных дистанций: «Отъеле до Угоръ, и до Ляховъ, до Чаховъ, от Чаховъ до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Немець до Корълы, от Корълы до Устьяга, гдѣ тамо бяху Тоймици погани, и за Дышючимъ моремъ, от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртась; от Буртась до Чермись, от Чермись до Моръдви».

Приступая к проповеди, или к житию святого, или к историческому сочинению, авторы как бы испытывали необходимость окинуть взором всю землю. Кирилл Туровский (XII век) так начинает свое «Слово о расслабленном»: «Неизмерьна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина». Так же начинается и «Чтение» о Борисе и Глебе (конец XI века). Сама «Повесть временных лет» (начало XII века) тоже начинается с описания самых общих судеб вселенной и дает превосходную по своей наглядности географическую картину Русской земли. Автор «Повести» начинает это описание с водораздела великих русских рек — Валдайской возвышенности, на которой помещался «Оковьский лес», и далее ведет свое повествование по трем рекам: Днепру, Волхову и Волге, отмечая, в какие моря они впадают и куда можно проехать по этим морям.

Фольклор сохраняет это «панорамное зрение» — особенно в былинах — и до XIX века.

Сознание громадности мира было не только в искусстве, но и в обы-

денной жизни. Не случайно князья призывали в свидетели своей правоты всю «подънебесную» (Ипатьевская летопись под 1288 годом).

То же «ландшафтное зрение» в широкой степени сказывается и в «Слове о полку Игореве». Помимо того что повествование непрерывно переходит в «Слове» из одного географического пункта в другой, автор «Слова» все время охватывает своими призывами и обращениями многие географические пункты. «Золотое слово» Святослава Киевского обходит всю Русскую землю по окружности — ее самые крайние точки. Поражает и та «перекличка», которую ведут мифические существа и действующие лица в «Слове». Див кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и Тмутороканскому болвану на Черном море. Ярославна плачет на самой высокой точке Путивля — на крепостной стене, над заливными лугами Сейма, обращаясь к солнцу, ветру, Днепру. В концовке «Слова о полку Игореве» девицы поют на Дунае, их голоса выются через море до Киева.

Каждое действие воспринимается как бы с огромной высоты. Благодаря этому битва Игоря с половцами приобретает всесветные размеры; черные тучи, символизирующие врагов Руси, идут от самого моря, хотят прикрыть четыре солнца. Дождь идет стрелами с Дона великого. Ветры веют стрелами с моря. Море присутствует в «Слове», хотя и было далеко от места битвы. Битва как бы наполняет собою всю степь до самого моря, до далекой Тмуторокани.

Многие отвлеченные понятия воспринимались в эпоху монументального историзма в пространственном, ландшафтно-географическом аспекте. Это прежде всего касается такого важного феодального понятия, как слава. Слава того или иного князя имела прежде всего пространственное распространение. Она измерялась географическими пределами. Она могла достигать границ Русской земли или переходить за них, захватывая окружающие народы. Изяслав, согласно летописи, обращается к своей дружине: «Братья и дружино! Бог всегда Рускы земле и Руских сынов в бещестьи не положил есть; на всих местех честь свою взимали суть. Ныне же, братье, ревнуимы тому вси, у сих землях и перед чюжими языки дай ны бог честь свою взяти» (Ипатьевская летопись под 1152 годом).

«Слово о полку Игореве» постоянно говорит о славе, и именно в этих широчайших географических размерах. От войска Романа и Мстислава дрогнула земля и многие страны — хинова, литва, ятвяги, деремела, и половцы копыа свои повергли и головы свои склонили под те мечи булатные. Князю Святославу Киевскому поют славу немцы и венецианцы, греки и моравы. Пространственные формы приобретают в «Слове» и такие понятия, как «тоска», «печаль», «гроза»: они текут по Русской земле, воспринимаются в крупных географических пределах почти как нечто материальное и ландшафтное.

Характерная черта в мироощущении людей этого времени — воспри-

ятие малого как некоей уменьшенной схемы большого. Человек — это «малый мир». Жизнь человека — это «малая жизнь», «малая» по сравнению с большой и «настоящей» — вечной, которая предстоит за гробом.

Стремление увидеть в малом и преходящем большое и вечное — это способ восприятия мира, типичный для эпохи исторического монументализма. «В малемь семь житъи взищи вечныя жизни», — говорит автор «Слова некоего отца к сыну своему».

Эстетика дистанции сказывалась и в представлении о том, что человеческая мысль не имеет определенного местопребывания в человеческом теле (в голове или сердце), а способна возвышаться до парения в небе, под облаками и оттуда созерцать мир. В сердце сосредоточивались только страсти и воля: гнев, любовь, желание чего-либо, храбрость, но самоотречение требовало молитвенного возвышения, так же как и всякая возвышенная мысль. В «Шестодневе» мысль человека парит, летит с огромной скоростью, достигает неба. То же мы видим и в «Слове о полку Игореве»: «летая умомъ подъ облакы» — под теми именно облаками, из которых созданы человеческие мысли.

На фоне таких представлений о человеческом уме, о мысли метафорические образы ума и мысли, которые летают, мысли, способной уносить ум «на дело» или мерить поля в «Слове о полку Игореве», закономерны для XII века и не являются неожиданными для читателя того времени.

«Большой мир» и «малый мир», «вечность» и «малое время» (т. е. человеческая жизнь) — как в этих противопоставлениях определяются различия? Только ли здесь различие в величине, в протяженности, в длительности? Безусловно, нет! Различие здесь еще в том, что «большой мир», «большое время» — вечность — принадлежат к абсолютным ценностям. К большому стремится малое. Малое ценно только постольку, поскольку оно имеет отношение к большому, заключает в себе элементы большого, является его символом. В сей малой жизни, на «этом свете», в человеческой истории следует искать и открывать элементы большого, т. е. стремиться заслужить вечную жизнь по смерти, в истории усматривать только то, в чем проявляется воля божия, в чем можно найти элементы «священной истории», и т. д. Следовательно, «большое» и «малое», «вечное» и «временное» не равноценны. Напротив, малое, временное ценно только постольку, поскольку в нем заключены элементы большого и вечного. Именно этим и объясняется внимание ко всему огромному, эстетическое восхищение пространствами, расстояниями, размерами, длительностью во времени, постоянное обращение к прошлому и стремление увековечить то, что наиболее ценно с точки зрения этого сознания в настоящем. Мысль человека, его ум как бы отделяется от него и «носится» под облаками, поднимается высоко в поднебесье. В этом одно из важнейших проявлений монументализма мировосприятия.

Также очень характерна для средневековья и для Древней Руси и другая диада: «свое — чужое», «знаемое — неизвестное», «христианское — языческое» и пр. Эта диада сказывается в названии «чужих» народов — они «неизвестные», они «немцы» — немые, их страна «неизвестная», они приходят «из невести». Характерно, что и для «Слова о полку Игореве» «поле» — «неизвестное», в нем идут войска «неготовыми дорогами», но природа на стороне русских.

Монументализм XI—XIII веков имеет еще одну резко своеобразную особенность, отличающую его от наших представлений о всем монументальном. Мы привыкли под монументальностью понимать не только все большое, но и инертное, тяжелое, неподвижное, устойчивое. Однако монументализм XI—XIII веков был связан с прямо противоположным: с быстротой передвижения в больших географических пространствах.

Быстрота передвижения — это символ власти над пространством, в котором князь передвигается. Быстрота похода — символ овладения пространством. Могущество Романа Галицкого описывается в летописи прежде всего в образах движения: «устремил бо ся бяше на поганья яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и прехожаше землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур» (Ипатьевская летопись под 1201 годом).

Тот же динамический монументализм очень характерен и для «Слова о полку Игореве». Действующие лица переносятся в нем с большой быстротой: постоянно в походе Игорь, парадируют в быстрой езде «кмети» — куряне, в постоянных быстрых переездах Олег Гориславич и Всеслав Полоцкий. Всеслав, обернувшись волком, достигает за одну ночь Тмуторокани, слышит в Киеве колокольный звон из Полоцка, и т. д. Неподвижен великий князь Святослав Киевский, но его «золотое слово» обращено из Киева «на горах», где он сидит, ко всем русским князьям. Двигается не он, но зато движется все вокруг него. Он господствует над движением русских князей, управляет движением. Тоже и Ярослав Осмомысл: он высоко сидит в Галиче на своем златокованом столе, но его железные полки подпирают горы Угорские, он мечет бремены чрез облаки, рядит суды до самого Дуная, грозы его по землям текут, и он отворяет врата Киеву. В таком же церемониальном положении изображен и Всеволод Суздальский, готовый вычерпать шлемами Дон, расплескать веслами Волгу, полететь к Киеву. Великий князь церемониально неподвижен, но он среди движения, центр этого вихревого движения. Эти церемониальные положения князей — типичная черта монументально-исторического стиля XI—XIII веков. Церемониальность — одно из проявлений монументальности. Образ князя, высоко сидящего на престоле, подчеркивает еще одну дистанцию — дистанцию феодально-иерархическую между ним и остальными князьями.

Поэтизация средствами установления дистанций способна объяснить, почему автор «Слова» так героизирует, в сущности, слабого киев-

ского князя Святослава. Важно, что он князь Киевский, глава всех русских князей. Это возвышает его над всеми остальными князьями, делает его старым, мудрым и сильным. Он предстает перед читателями высоко «на горах» и высоко по своему феодальному положению, в ореоле иерархической дали.

3

Еще одна дистанция чрезвычайно характерна для стиля монументального историзма: это дистанция во времени, дистанция историческая. В литературе господствует обостренный интерес к истории.

Для того чтобы опоэтизировать события, современные автору «Слова», последний привлекает русскую историю — главным образом XI века. События XII века для этой цели не годятся. Свои поэтические сопоставления автор «Слова о полку Игореве» делает с историей Олега Святославича и Всеслава Полоцкого, с битвой Бориса Вячеславича на Нежатиной Ниве, с гибелью в реке Стугне юноши князя Ростислава, с поединком Мстислава Тмутороканского и Редеди. Это все события XI века. Автор «Слова» вспоминает певца Бояна — также XI века. История XII века, предшествующая походу Игоря, как бы отсутствует в «Слове» — эстетически она не нужна. Она слишком близка к событиям Игоревы похода.

В «Слове о полку Игореве» остро ощущается воздух русской истории. Конечно, представления об истории были представлениями своего времени и измерения этого исторического времени были не столько летописными, сколько эпическими. «Слово о полку Игореве» не называет точных дат тех или иных событий, что было обязательным для летописи, зато постоянно говорит о дедах и дедовской славе. Такое определение времени также часто встречается в летописях.

Отцы и, главным образом, деды также очень часто упоминались в проповедях, поучениях, житиях и летописях. Отцы, деды и прадеды — это всегда некоторое мерило добродетелей и «славы» их сыновей, внуков и правнуков. Митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» (середина XI века), восхваляя Ярослава Мудрого, обращается к его предкам — славит его отца, деда и прадедов. Он говорит о его предках: «иже славятся ныне и слывут». Владимир Мономах вспоминает в «Почуении» о том, что было «при умных дедех наших, при добрых и при блаженных отцих наших». Пример отцов и дедов, обычаи отцов и дедов, их наследие, слава отцов и дедов и, наконец, полуязыческая молитва «дедняя и отняя» постоянно упоминаются в летописи, особенно в критические моменты судьбы их потомков.

«Слово о полку Игореве» буквально наполнено проявлениями культа предков — дедов и прадедов, но по преимуществу через головы отцов. Оно и понятно, если принять во внимание характерную для этого времени

«эстетику дистанций», требовавшую промежутка времени большего, чем его давало обращение к отцам и к их славе. В «Слове» постоянно говорится о дедах и внуках, о славе дедов и прадедов, об «Ольговом гнезде» (Олег — дед Игоря). Сам автор «Слова» — внук Бояна, ветры — «Стрибожи внуци». Ярослав Черниговский с подвластными ему войсками ковуев звонит в «прадеднюю славу», Изяслав Василькович «притрепал» славу деду своему Всеславу Полоцкому — внуки последнего призываются понизить свои стяги — признать себя побежденными в междоусобных бранях и т. д. и т. п.

С монументализмом и историзмом литературы XI—XIII веков была соединена и еще одна очень важная ее черта — церемониальность. Произведения литературы XI—XIII веков были церемониальны по формам своего применения, по художественным средствам, к которым литература прибегала, по темам, которые она для себя выбирала. Произведения литературы входили в церемониалы и вместе с тем церемониально оформляли изображаемое.

Не случайно в «Слове» так часто говорится о таких церемониальных формах народного творчества, как слава и плач. Боян поет славу старому Ярославу и храброму Мстиславу, он свивает славы «оба полы сего времени» и исполняет славу «княземь» на своем струнном музыкальном инструменте. Славу поют иноземцы (немцы, венецианцы, греки и моравы) великому Святославу. В «Слове» говорится о плаче русских жен, о пении славы девицами на Дунае, приводится плач Ярославны.

Описан или упомянут в «Слове о полку Игореве» ряд церемониальных положений: обращение Игоря к войску, звон славы в Киеве: «звенить слава въ Киевѣ... стоять стязи в Путивль». Как на параде, с оружием на изготовку проносятся в «Слове» «свѣдоми къмети» — куряне. Игорь вступает в золотое стремя — момент также церемониальный. После первой победы Игорю подносят черлениый стяг, белую хоругвь, черленую челку, серебряное стружие — момент несомненно обрядовый. В церемониальном положении изображен «на брони» яр-тур Всеволод. О пленении Игоря сообщено, как о церемониальном пересаживании из золотого княжеского седла в седло кощеево (т. е. в седло пленника). В подобных же положениях изображены в «Слове» Всеволод Суздальский, Ярослав Осмомысл на своем златокованом столе высоко в Галиче, а также окруженный на киевских горах боярами, подающими ему советы, Святослав Киевский. Своеобразно церемониальное положение Всеслава Полоцкого — он добывает себе Киев — «девицу любу», скакнув на коне и дотронувшись стружием до золотого киевского стола, что напоминает сказочную ситуацию, когда жених скачет на коне и, высоко прыгнув с конем, снимает кольцо с руки царевны.

Монументализм XI—XII веков связан с целым рядом и других признаков и свойств. Монументализму свойственна особая лаконичность

и краткость: «церемониальная геральдика». В произведениях монументального стиля обычно мало орнаментики, они требуют выразительности при немногословии. Это касается, например, характеристик людей и населения той или иной местности. В летописи такая лаконичность и «геральдика» в характеристиках постоянны. Владимирцы говорят о ростовцах: «то суть наши холопи каменъници» (Лаврентьевская летопись под 1175 годом). Об ольговичах и половцах говорится в летописи, что они «скори бяху на кровопролитъе» (Ипатьевская летопись под 1151 годом), «перяславци же дерзи суще» (Лаврентьевская летопись под 1169 годом), «смоляне дерзи к боеви» (Суздальская летопись по Академическому списку под 1216 годом) и т. д.

В «Слове о полку Игореве» куряне — «свѣдоми къмети», ольговичи — «хороброе гнездо», полки Игоря «храбрые», полки Ярослава Осмомысла «железные» и пр.

Особую роль в церемониальном, монументальном стиле литературы играли афоризмы, приписываемые обычно каким-то древним мудрецам или просто вкладываемые в чьи-то уста: «Яко инде глаголетъ: «Скырт река злу игру сыгра гражаном», тако и Днестр злу игру сыгра Угром» (Ипатьевская летопись под 1229 годом); «Выйде Филя, древле прегордый, надеяся объяти землю, потребити море, со многими Угры, рекшю ему: «един камень много горньцев избиваетъ», а другое слово ему рекшю прегордо „острый мечю, борзый коню — многая Руси“» (Ипатьевская летопись под 1217 годом); «О, леть зла есть! якоже Омир (Гомер.— Д. Л.) пишетъ, да обличена же зла есть, кто в ней ходитъ, конецъ зол приметъ, о злее зла зло есть» (Ипатьевская летопись под 1233 годом); «якоже премудрый хронограф списа: „якоже добродейня в веки светяться“» (Ипатьевская летопись под 1257 годом). В «Слове о полку Игореве»: «рекоста бо братъ брату: „Се мое, а то мое же“», «Рекъ Боянъ... „Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кроме головы“», «Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути“».

Одна из сторон церемониальности — истовая неторопливость, «степенность» и своеобразная полнота в перечислении всего того, что участвует в церемонии. Эта полнота преследует цели не столько информационные, сколько украшающие и напоминающие присутствующим о том, что входит в церемонию.

Церемония — это некоторый процесс, некое длительное, разворачивающееся в пространстве и во времени действие — действие, содержание и последовательность которого могут быть заранее известны не только церемониймейстеру, но и присутствующим. Особенно важна поэтому в церемонии демонстрация неких равных или соподчиненных членов. В поминовениях умерших таково обычно перечисление мест, где они скончались, в восхвалениях — приводятся длинные перечисления заслуг, в молитвах — просьб, в изобличениях — пороков и грехов и т. д.

Если в летописи описывается татарское нашествие, то татары приходят на Рязань, требуя у рязанских князей «десятины во всем: в князех, и в людех, и в конех — десятое в белых, десятое в вороных, десятое в бурых, десятое в рыжих, десятое в пегих» (Суздальская летопись по Академическому списку под 1237 годом). Хотя достаточно было сказать о десятой части во всех конях без исключения.

В «Слове о полку Игореве»: «Чрьлень стягъ, бѣла хорюговъ, чрьлена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю», или: «дивъ... велить послушати — земли незнаемъ, Вльзъ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню». «Орьтъмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити», «съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ реугы, и съ ольберы».

Иерархическое устройство общества отразилось в установленной в нем иерархии эстетических ценностей. В литературе эстетически ценно в первую очередь то, что связано с высшим светским слоем феодального общества. Два княжеских дела считались в этот период наиважнейшими: война и охота. Именно о своих «путях» (т. е. походах) и «ловах» (т. е. охотах) рассказывает в «Поучении» Владимир Мономах. Те же два княжеских дела как наиважнейшие неоднократно подчеркиваются в летописи. О воеводе Тите в Ипатьевской летописи под 1289 годом говорится: «бьшеть бо у него (князя.— Д. Л.) воевода Тит, везде словый мужеством: на ратех и на ловех».

Красиво оружие воина, красиво все, что связано с боевым конем, красива княжеская охота — особенно соколиная. И даже тогда, когда нужно подчеркнуть величие дела церковного подвижника, он сравнивается с воином, его дело объявляется воинским делом и сам он — «воин Христов». «Красота воину оружие и кораблю ветрила», — говорится в Изборнике 1076 года. В том же Изборнике 1076 года с оружием сравнивается молитва («велико оружие молитва»), с оружием же сравнивается человеческое тело: «оружье бо наше есть тело, а душа — храбрь» («храбрь» — богатырь).

Образ воина, подобно Всеволоду буй-туру, «стоящего на борони», — это также по-своему эстетически канонизированное представление о красоте. И опять-таки оно находит себе подтверждение в том же Изборнике 1076 года: «любить князь воина стояштя и борющагося с врагы».

Церемониальность многих сторон «Слова о полку Игореве» не совсем ясна для нас сейчас. Большинство обычаев забылось. Например, почему плачет Ярославна на «забралех» — не был ли обычаем плач на городской стене по погибшим в далекой битве? Или, может быть, важнее то, что «забрала» эти находились на берегу реки Сейм? Ведь на берегу Днепра оплакивает мать своего сына Ростислава и в «Слове о полку Игореве» и в «Повести временных лет» под 1093 годом. В «Слове» «готские красные девы» поют на берегу моря, плещет «лебедиными крылы

на синем море у Дону» дева Обида, «дѣвици поють на Дунаи» и т. д. Не было ли обычаем петь и плакать именно на берегу? Не потому ли «Слово» подчеркивает, что поражение войск Игоря произошло «на брезѣ быстрой Каялы», т. е. в месте скорби.¹

Обращу еще внимание на одну сторону военных образов «Слова». Битва, как известно, сравнивается в «Слове» с жатвой, и этот образ обычно сопоставляется с аналогичными образами народной поэзии. Однако образ этот существует и в книжности. Враги избивают людей, «аки на ниве класы пожинаху» (Суздальская летопись по Академическому списку под 1216 годом), или о татарах: «а все людие секуще, аки траву» (там же, под 1238 годом). Аналогичные сравнения битвы с земледельческими работами имеются в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, в «Александрии» и в «Слове Иоанна Златоуста в неделю всех святых».

Не случаен в летописи и противостоящий войне образ мирных пахарей, ратаев. Война — это прежде всего гибель пахарей. Об этом напомнил Владимир Мономах в речи на Любечском съезде, обращенной к князьям с призывом защитить Русскую землю от набегов половцев: «и половчин приехав ударить и (его, т. е. смерда.— Д. Л.) стрелою, а кобылу его поиметь» (Лаврентьевская летопись под 1103 годом).

Переходим теперь ко второму слою эстетических ценностей — охоте, и при этом соколиной по преимуществу. Владимир Мономах начинает свою биографию со слов: «А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы с 13 лет». Княжеский «труд» для Мономаха, как мы уже указывали, это «пути» (военные походы) и «ловы» (т. е. охота). Как одну из главных добродетелей князя называет охоту и Ипатьевская летопись. В ней под 1287 годом прославляется как охотник Владимир Василькович Волынский: «Бяшетъ бо и сам ловечь добр, хоробор, николи же ко вепреви и ни к медведеве не ждаше слуг своих, а быша ему помогли, скоро сам убиваше всяки зверь, тем же и прослул бяшетъ во всей земле, понеже дал бяшетъ ему бог вазнь не токмо и на одних ловех, но и во всемь, за его добро и правду»².

Вот почему в Древней Руси даже в сухое летописное изложение вторгается сравнение дружинников, стрельцов с соколами: «приехавшим

¹ См. также соображения Л. А. Дмитриева о том, что само название реки Каялы происходит от глагола «каяти» (Д м и т р и е в Л. А. Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве» // «Труды Отдела древнерусской литературы». М.; Л., 1953. Т. 9. С. 30—38).

² Сам он был когда-то охотником искусным и храбрым, при охоте на вепря и на медведя не ждал он, чтобы слуги пришли ему на помощь, а сам быстро убивал всякого зверя. Тем и был он славен по всей земле, потому что за его добро и правду бог дал ему удачу не в одной только охоте, но и во всем.

же соколомь стрелцемь, и не стерпевъшим же людемь, избиша е и роздрашася»¹ (Ипатьевская летопись под 1231 годом).

Восемь раз в «Слове о полку Игореве» употребляется образ сокола по отношению к князьям и воинам; образами охоты «Слово» буквально пронизано. Природа в «Слове» — это по преимуществу та природа, которая увидена глазами охотника.

Итак, церемониальность — одно из проявлений иерархичности, а иерархичность — характерный и важнейший элемент той «эстетики дистанции», которая составляет сущность и доминанту монументально-исторической эстетической формации. Не следует думать только, что иерархичность средневековой эстетики касалась лишь человеческого общества. В сознании средневекового человека вселенная и общество были построены по одному принципу — иерархическому. Это особая тема, и очень большая. Напомню только о сочинениях Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии».

4

Особому рассмотрению подлежат языческие образы «Слова».

Мифология «Слова» обладает определенной цельностью. Это не разрозненные верования и представления, а единый взгляд на мир, — взгляд как бы с одной мировоззренческой точки зрения. А вместе с тем это мировоззрение находится в «Слове» на такой ступени своего «возраста», когда верования приобретают уже чисто эстетическое значение и эстетическую ценность. Автор «Слова» отнюдь не убежден в реальности своих языческих представлений — он прибегает к языческой мифологии с целью эстетизации своего повествования.

Мифологические темы в «Слове» художественно условны, как условна античная религиозная система в европейской ренессансной и постренессансной эстетической культуре.

Что же взято из древнерусского язычества в художественную мифологию «Слова»? Прежде всего в нее взяты и высшие боги, и низшие. Как давно отмечено в литературе, Владимир I Святославич до своего официального принятия христианства делал попытку создать восточнославянский пантеон, объединить все русские княжества, установив общее почитание отдельных племенных богов. К этим высшим богам, собранным Владимиром в Киеве и знаменовавшим в своем сонме единство Руси, относятся и Перун, и Хорс, и Дажьбог, и Стрибог, и Симаргл, и Мокошь. В «Слове» отсутствует Перун, но Перун был богом по преимуществу новгородским, а Новгорода нет в обращении автора «Слова» ко всем русским княжествам. Очевидно, старые родовые обиды Игоря на Новго-

¹ Приехали соколы-стрельцы, и, не стерпев, люди избили их и разодрались с ними.

род (его отец был изгнан с новгородского княжения) сказались в «Слове»... Отсутствуют и бог Симаргл, и Мокошь — бог народа мокша — эрзя.

Однако в целом высшая мифология «Слова» объединяет Русь в одну религиозную систему. Но то же самое делает и мифология низшая — вера в Землю и Род, в оборотней и силы природы. Этим русским богествам противостоит мифология «поля незнаемого» — Див, Тмутороканский болван и, может быть, некоторые другие представления и верования. Объединяет русскую и половецкую мифологии то, что обе служат как бы опорными вехами необычайно быстрых передвижений в «Слове». Все языческие боги и мифические существа служат в «Слове» быстроте передвижений, необычайной «звукопроводимости» мира «Слова», объединению событийному — прошлого и настоящего, связи дедов и внуков. Звери и птицы — волки, соколы, галки, вороны, лебеди — являются своего рода символами и образами быстроты, стремительности, демонстрируют связь людей и природы.

В этом «сверхпроводимом» мире ветер, тучи, моря и многочисленные реки составляют среду, в которой совершаются быстрые передвижения. Реки — это и границы каких-то стран, и символы самих этих стран, и аллегории горя и покаяния (как, например, Каяла).

Игорь только сравнивается с соколом, волком и горностаем. Если бы было иначе и он бы действительно оборачивался ими, он не мог бы поехать по возвращении из плена к Богородице Пирогощей. Оборотень — не христианин.

Так же точно, когда автор «Слова» утверждает, что Боян воскладает персты на золотые струны и персты гонятся за лебедями, как соколы, — то и это только сравнение. На характер сравнения указывает и форма, в которой преподносятся в «Слове» некоторые из этих сравнений: «яко соколь», «акы пардуже гнѣздо», «яко вихрь» и т. д. В Ипатьевской летописи под 1201 годом про Романа Галицкого говорится: «устремил бо ся бяше на поганя яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и прехожаше землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур». Однако мифологическая система, несомненно, усматривается во всех этих сравнениях и образах, но она вышла уже из этапа верований и перешла в этап художественного мышления. Обращение к древнерусским верованиям в «Слове», несомненно, имеет все признаки системы не религиозной, а эстетической, художественной. Она в известной мере связана с ностальгией по языческому прошлому, способна вызывать богатые ассоциации. Это своеобразное «эстетическое возрождение» язычества.

Фантастическая быстрота передвижения героев «Слова» — такой же художественный элемент, как и дальность расстояний, не мешающая услышать в Киеве пенне дев на Дунае или звон колоколов в Полоцке, — громкость и ясность звуков, заставлявшая князя Владимира затыкать уши в Чернигове, когда до него доносился звон стремени Олега из далекой Тмуторокани.

Характерны для «Слова» и образы, связанные с земледелием. В «Слове» не просто существуют земледельческие образы, а присутствует в художественном переосмыслении весь земледельческий цикл: сев (поля, засеянные костями и политые кровью), всходы (они всходят тугóю), прорастание (прорастают усобицами), жатва, молотба и веяние («веют душу от тела» — в изображении битвы на Немиге), ток — как образ поля сражения. Весь этот земледельческий цикл знаменует собой во всех случаях смерть, горе, гибель, и он как бы противостоит живому земледелию замершей жизни (пахари уже не «кикают» на лошадей). Это мир неизвестный и мертвый, в котором все живое оборачивается своей изнаночной стороной. Смертный мир как страна неизвестная (страна и «поле неизвестно») противостоит «известной» Русской земле — известной и постоянно называемой в своих реках и городах — с их князьями и историческим прошлым. Перечисление русских князей в обращении к ним князя Святослава и автора «Слова» — это переключка живых, ибо сами имена и названия делают Русь страной известной в противоположность «полю неизвестному», где нет городов и названий. Переключка князей сама по себе как бы воскрешает Русь после понесенного ею поражения и делает возможным счастливое возвращение Игоря. Он едет в Киев освещаемый солнцем и радостно встречаемый народом, ибо князь — это известность, слава, простираемая до устья Дуная, где ему поют песни дунайские девицы; это история страны. Лагерь половцев, из которого бежит Игорь, — это, напротив, тьма и ночь, а Киев, куда он едет, — это свет и солнце. Неизвестность, неизвестность, пустынность наступают на Русь тьмою, дождем, затмением солнца, тучами, прорастанием травы на поле битвы, покровом пустыни над «силой» (войском) русских.

Синий цвет — это по преимуществу цвет смерти и неизвестности. Вот почему наступление половцев сопровождается синими молниями, а в сне Святослава, как бы предсказывающем его смерть и указывающем на гибель полков Игоря, упоминается синее вино, а готские девы поют о поражении русских на берегу синего моря; Всеслав Полоцкий «объсися синѣ мѣгль», — мгла всегда связана с неизвестностью, и во мгле, «одетый мглою», скрывается от преследования Игорь.

Русские не только «известные» люди, но и знающие. Куряне — сведомые кметы, им знакомы яруги, пути им ведомы. Святослав Киевский знает всех русских князей — историю каждого. Игорь точно определил цель своего похода — преломить копье в конце поля Половецкого (неизвестного) и дойти до Тмуторокани. Как по ведомой им земле скачут и носятся Олег и Всеслав. Владимир Старый и Ярослав Осмомысл посылают свои войска в далекие походы. «Ведомость» русской земли связана со славой. Слава — это не столько знаменитость, сколько известность у потомков или у окрестных народов: немцев, венецианцев, греков и моравы.

Там, где искусство наполнено динамикой, там и история. Движение в пространстве едино с движением во времени. «Слово» проникнуто историзмом — не тем, конечно, к которому мы привыкли сейчас, а своим — средневековым и опять-таки очень монументальным. Так называемый «лирический беспорядок», который в «Слове» выражается в том, что автор постоянно обращается от современных событий к воспоминаниям о прошлом, не только знаменует собой «смятенность чувств» автора, как бы не владеющего ходом своих мыслей, взволнованного событиями и поэтому вынужденного давать себе передышку в обращениях к прошлому, но свидетельствует о том, что поэтичность современности может быть достигнута только путем ее сопоставлений с прошлым.

Прошлое — это как бы фон, на котором развиваются события настоящего и создается историческая глубина, историческая перспектива — необходимое условие для осознания современности как эстетически ценной, достойной прославления, увековечения.

Каждое событие настоящего имеет как бы еще одно измерение — в историческом прошлом. Оно «исторически рельефно». Тем самым достигается своеобразная и очень важная для понимания той эпохи историческая монументальность всего происходящего в настоящем.

Каждый князь существует не сам по себе, со своими особенностями характера и своими политическими убеждениями, — он прежде всего представитель своего рода, своего «племени», он ольгович или всеславич, мономашич, ярославич, он внук деда и сын отца. Князь и сам осознает себя представителем своего рода и, для того чтобы иметь влияние в современной ему жизни, продолжает политику отцов и дедов, — именно это является тогдашним способом утверждения себя в политической жизни своего времени. Отказ от родовой политики был бы для того времени отказом от политической активности вообще. Он был князем постольку, поскольку принадлежал к определенной линии князей, поскольку он следовал политике своих предков. Для внесения новых начал в русскую жизнь надо было быть особого происхождения: таким, например, каким был Владимир Мономах, — внуком византийского императора.

Автору «Слова» требовалось дать обобщение ольговичей и всеславичей как двух групп князей-крамольников. Ограниченный в средствах художественного обобщения законами художественного творчества эпохи феодализма, автор «Слова» прибег к изображению родоначальников тех князей, обобщающую характеристику которых он собирался дать. Вот почему в «Слове» заняли такое большое место характеристики Олега Гориславича — родоначальника ольговичей и Всеслава Полоцкого — родоначальника полоцких всеславичей.

Такая характеристика князей-родоначальников связана с очень важным в русской политической жизни генеалогическим принципом. Внук того или иного князя считался естественным продолжателем его политики. В русской междукняжеской политике боролись представители

того или иного «гнезда», «племени»: всеславичи полоцкие с ярославичами, ольговичи с мономаховичами.

Автор «Слова» использует образы, которые уже существовали в феодальном быту, в лексике военной, в народной речи и в народной поэзии. Художественное новаторство автора «Слова» состоит во вскрытии того образного начала, которое заложено в устной речи, в специальной лексике, в символике феодальных отношений, в действительности. Привычные образы получают в «Слове» новое звучание. Русский читатель узнает в нем свое, близкое ему, выношенное своим собственным жизненным опытом. Образ, заложенный в «термине», автор «Слова» превращает в поэтический, подчиняя его идейной структуре всего своего произведения в целом.

Неоднократно говорится в «Слове» о мечах, о стягах, о копьях, и каждый раз во всей их сложной феодальной символике. Меч в Древней Руси был символом войны, символом княжеской власти, символом чести. Олег мечом крамолу ковал — злоупотреблял своей княжеской властью; хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы подклонили головы свои под харалужные мечи Романа и Мстислава — признали себя побежденными. Стягами в Древней Руси подавали знаки войску. Поднятый стяг служил символом победы, поверженный стяг — поражения. Автор «Слова» так призывает обе враждующие стороны — русских князей ярославичей и русских князей — потомков Всеслава Полоцкого — признать свое поражение в междоусобной войне: «Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезжени». В этом использовании феодальной символики, в умении показать ее поэтический блеск и значительность и состоит один из элементов особой доходчивости художественной формы «Слова» для читателей своего времени.

В русской литературе XI—XIII веков нет стремления к изобретению все новых и новых художественных средств и художественных образов. В ней есть особый лаконизм. Авторы часто прибегают к традиционным образам и средствам, — это характерно для монументального историзма того времени.

Эстетические представления автора «Слова» тесно связаны с тем главным, что подарила нам его эпоха, — с монументальным историзмом. Этот монументальный историзм сделал «Слово» памятником настолько эстетически монолитным, что достаточно только процитировать из него несколько знакомых строк, чтобы читатель почувствовал себя эстетически захваченным эмоциями «Слова».

Мы уже отмечали выше близость «Слова» к двум жанрам народной поэзии — «славам» и «плачам». Близость эта, однако, не ограничивается жанровыми аналогиями.

Конечно, «Слово» — отнюдь не произведение устной народной поэзии, но оно очень близко к ней по своей идейной сущности и стилистическому строю. «Слово» насыщено образами народной поэзии: тут и деревья, приклоняющиеся до земли от горя, тут и никнущая от жалости трава, и сравнения битвы с пиром, с жатвой. Близка к народным «плачам» лирическая песнь Ярославны. В «плачах» постоянны те же обращения к ветру, к реке, к солнцу, которые имеются и в плаче Ярославны. Сон Святослава полон устно-поэтических символов. Сказочно описание бегства Игоря. В сказках нередко герой, спасающийся от колдуна, превращается в животных. Так же, как Игорь подобно соколу бьет гусей и лебедей к завтраку, к обеду и ужину; в былине о Волхе Всеславьевиче Волх, обернувшись соколом, бьет гусей и лебедей для дружины. Воспитание курских дружинников Всеволода буй-тура напоминает воспитание того же Волха Всеславьевича. Народен и образ девы Обиды, встречающийся и в записях устной поэзии в XIX веке.

Народного богатыря напоминает Всеволод буй-тур, когда он прыщет на врагов стрелами, гремит об их шлемы мечами харалужными. Подобно Илье Муромцу, Всеволод буй-тур сражается с врагами и куда поскачет, там лежат поганые головы половецкие. Богатыря напоминает и Ярослав Осмомысл «Слова», когда он бросает тяжести за облака.

С народной поэзией связывают автора «Слова о полку Игореве» не только художественные вкусы, но и мировоззрение, политические взгляды. Автор «Слова» творит в формах народной поэзии, потому что сам он близок к народу, стоит на народной точке зрения.

Мы уже сказали выше, что связь автора «Слова» с народной поэзией не была случайной. Он занимал независимую патриотическую позицию, по духу своему отвечавшую интересам широких слоев трудового населения Руси. Его произведение — горячий призыв к единству Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите созидательного труда русского населения. Вот почему и его художественная система тесно связана с русским народным творчеством. Тем не менее «Слово о полку Игореве» — произведение письменное, а не устное. Как бы ни были в нем сильны элементы устной речи и народной поэзии, «Слово» все же писалось, и писалось как литературное произведение. «Слово» — не запись устно произнесенной речи или спетой исторической песни. «Слово» было с самого начала написано его автором, хотя автор и «слышал» все то, что он писал, проверял на слух ритм, звучание, знал и использовал народную поэзию.

Древнерусские авторы не стремятся писать картины природы, спокойные пейзажи. Древнерусские авторы уделяют внимание природе преимущественно тогда, когда она теснейшим образом связана с судьбою действующих лиц повествования, когда она оказывает на них влияние, когда она проявляется в действии: в грозе, в буре, в разливах рек, в за-

сухе, затмениях солнца, в явлениях комет, в темноте ночи, мешающей сражаться, в жаре, истомляющей воинов, и т. д. и т. п. В древнерусских произведениях нет описаний бездействующей природы, служащей только фоном для повествования. В тех немногих случаях, когда природа присутствует в древнерусских произведениях, она «событийна», — описываются ее изменения, ее влияние на человека, она включена в самый ход повествования, в развитие сюжета. Средневековые русские писатели как бы еще не осознают самостоятельной ценности картинных описаний природы для литературы.

Хотя природа занимает исключительно большое место в «Слове», но роль ее, по существу, та же. В «Слове» нет пейзажа самого по себе. Природа воспринимается автором «Слова» только в ее изменениях. Природа введена в события. Она участвует в них, то замедляя, то ускоряя их ход. Она активна и в этой своей активности наделяется почти человеческими качествами. Она сочувствует русским, стремится предупредить их об опасности, помогает Игорю в его бегстве из плена; у нее ищет сочувствия и помощи Ярославна.

Когда Игорь двинулся в свой несчастный поход, свет солнца померк; ночь, «стонущая грозою», стремится остановить Игоря на его гибельном пути. Даже степные звери и птицы предчувствуют поражение русских. Вместе с половцами надвигаются от моря на войско Игоря синие тучи. Битва с половцами переносится и в природу, приобретает черты борьбы силы зла с силой добра во всей природе. Трава и деревья отзываются на поражение русских: трава никнет, деревья от горя склоняются до земли или роняют листву.

Автор «Слова» отмечает те изменения в природе, которые вызываются в ней ходом человеческой истории. Междоусобные войны Олега приводят к запустению пашен. В судьбах русского народа принимают участие и реки, то зовущие князя Игоря на победу, то сочувствующие и помогающие ему, то «затворяющие» в своих струях юношу князя Ростислава.

Между природой и человеком стираются границы. Образ Обиды — девы с лебедиными крыльями, образы языческих богов находятся где-то между природой и людьми. Люди постоянно сравниваются и с птицами и со зверями: с турами, соколами, галками, воронами, «лютым зверем», кукушкой и т. д. Игорь вступает в разговор с Донцом и получает от него помощь. Слияние, единство людей и природы усиливает значительность происходящего, усиливает драматизм. Все события русской истории получают отклик в русской природе и тем самым оказываются удесятеренными в силе своего звучания.

Союз природы и человека, с такою силою развернутый в «Слове», — союз поэтический. Природа для автора «Слова» — гигантская кладовая поэтических образов и своеобразное «музыкальное сопровождение», придающее особенно сильное поэтическое звучание действию.

В жанровом отношении «Слово о полку Игореве» изучено слабо. Существует несколько гипотез, весьма противоречивых и, в общем, слабо обоснованных. В «Слове о полку Игореве» исследователи видят то «поэму», то «воинскую повесть», то «былину XII века», то «торжественную речь».

Прежде чем обратиться к определению того, каким же был жанр «Слова о полку Игореве», присмотримся к некоторым особенностям жанровой системы древнерусской литературы XI—XIII веков. Жанровая система древней русской литературы была довольно сложной. Основная часть жанров была заимствована в X—XIII веках из литературы византийской: в переводах, сделанных на Руси с греческого, и в произведениях, перенесенных на Русь из Болгарии. В этой перенесенной на Русь системе жанров были в основном церковные жанры: жанры произведений, необходимых для богослужения и для церковной жизни — монастырской и приходской. Среди них можно отметить различные руководства по богослужению, молитвы и «жития святых» разных типов, произведения, предназначавшиеся для благочестивого индивидуального чтения, и т. д. Но, кроме того, были и сочинения более «светского» характера: разного рода естественнонаучные сочинения и сочинения по всемирной истории (ветхозаветной и римско-византийской), сочинения типа эллинистического романа («Александрия») и др.

Перешедшие на Русь жанры по-разному продолжали здесь свою жизнь. Были жанры, которые существовали только вместе с перешедшими на Русь произведениями и самостоятельно здесь не развивались. И были жанры, продолжавшие на Руси активное свое существование: в их рамках создавались новые произведения, например жития русских святых, проповеди, поучения, реже молитвы и другие богослужебные тексты. Таким образом, среди жанров, перешедших на Русь из Византии и Болгарии, существовали «живые» жанры и жанры, не дававшие новых произведений.

Кроме этой традиционной системы литературных жанров существовала и другая традиционная система — жанров фольклора. Фольклор в XI—XIII веках не занимал такого обособленного от литературы положения, как в новое время: он был тесно связан с литературой и его жанры были соединены с жанрами литературы. Те и другие составляли некий единый организм словесного искусства. В XI—XIII веках граница между фольклором и литературой проходила не там, где она проходит в новое время. В новое время фольклор — это искусство народа, крестьянства, трудовых слоев населения. В средние века, и в особенности в раннем средневековье, фольклор распространен во всех слоях общества: и у крестьян, и у феодалов.

В средние века существовали жанры, которые требовали письменного оформления, и жанры, которые требовали устного исполнения. Обе традиционные системы жанров — литературная и фольклорная — находились во взаимной связи. Отдельные потребности в словесном искусстве удовлетворялись только фольклором, другие — только литературой.

В самом деле, любовная лирика, развлекательные жанры были на Руси до XVII века только в фольклоре. Церковные жанры, сложные исторические жанры — только в литературе.

Отсутствие в древней русской литературе от XI до XVII века любовной лирики, драматургии, ограниченность развлекательных сочинений объясняются именно тем, что в фольклоре была уже высоко организованная лирика, была сказка, были театральные представления скоморохов.

Итак, в древней русской литературе ко времени создания «Слова о полку Игореве» существовали две традиционные системы жанров, тесно связанные друг с другом и взаимно друг друга дополнявшие. Разнообразие и богатство жанров было огромно.

Однако, как бы ни была богата традиционная (двойная) система жанров, в XI—XIII веках она оказалась все же недостаточной. Новое историческое и патриотическое самосознание на Руси в XI—XIII веках требует жанровых форм своего выражения.

Все более или менее выдающиеся произведения литературы, основанные на глубоких внутренних потребностях, вырываются за пределы традиционных форм. В самом деле, такое выдающееся произведение, как «Повесть временных лет», не укладывается в воспринятые на Руси жанровые рамки византийских хроник. «Слово о законе и благодати» — это одновременно и философское произведение, осмысляющее историю, и политическая речь. «Повесть об ослеплении Василька Тербовльского» — тоже произведение вне традиционных жанров. Ломают традиционные жанры произведения князя Владимира Мономаха: его «Поучение», его автобиография, его письмо к Олегу Святославичу. Вне традиционной жанровой системы находятся «Моление» Даниила Заточника, «Слово о погибели Русской земли», «Похвала» Роману Галицкому и многие другие замечательные произведения древней русской литературы XI—XIII веков. Это типично именно для того времени. Новые жанры XI—XIII веков по большей части образуются на стыке фольклора и литературы. Такие произведения, как «Слово о погибели Русской земли» или «Моление» Даниила Заточника, — полулитературные-полуфольклорные.

Возможно даже, что зарождение новых жанров происходит в устной форме, а потом уже закрепляется в литературе.

Таким образом, и в жанровом отношении «Слово о полку Игореве» не одиноко.

После этих предварительных соображений о процессах жанрообразования, происходивших в русской литературе и фольклоре XI—XIII веков, вернемся к рассмотрению «Слова о полку Игореве».

В «Слове» ясно ощущается широкое и свободное дыхание устной речи. Оно чувствуется и в выборе выражений — обычных, употреблявшихся в устной речи терминов военных и феодальных; оно чувствуется и в выборе художественных образов, лишенных литературной изысканности, и народных; оно чувствуется и в самой ритмике языка, как бы рассчитанного на произнесение вслух. Автор «Слова» постоянно обращается к своим читателям, точно он видит их перед собой. Он называет их «братие» («Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие...», «почнемъ же, братие...»). В круг воображаемых слушателей он вводит и своих современников, и людей прошлого.

Автор «Слова о полку Игореве» ощущает себя говорящим свое произведение, а не пишущим его. Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типично ораторское произведение, предполагать, что в «Слове о полку Игореве» соединены жанровые признаки ораторского «слова» — равно предназначавшегося для произнесения или только для чтения. Дело в том, что устная речь, «позиция» оратора характерны для всех жанров древнерусской литературы. Древнерусская литература как бы не успела еще отделиться от устной речи, в ней не успели закрепиться приемы письменного художественного творчества, резко противостоящего устному художественному слову. Обращения к слушателям, ораторские восклицания, ритмика устной речи характерны не только для «слов» и «проповедей», но и для житий, для летописей, для исторических повестей, для произведений чисто церковных. Ораторские приемы мы сможем найти в любом произведении древнерусской литературы. Их может быть больше или меньше, но они присутствуют во всех произведениях. Они есть и в «Слове о полку Игореве». Однако лирики, непосредственной передачи своих чувств и настроений в «Слове» больше, чем этого можно было бы ожидать от произведения ораторского. Исключительно сильна в «Слове» и его ритмичность. Наконец, следует обратить внимание и на то, что сам автор «Слова» хотя и называет свое произведение то «словом», то «песнью», то «повестью», однако, выбирая свою поэтическую манеру, рассматривает как своего предшественника не какого-либо из известных нам ораторов XI—XII веков, а Бояна — певца, поэта, исполнявшего свои произведения под аккомпанемент какого-то струнного инструмента — по-видимому, гуслей. Автор «Слова» до известной степени противопоставляет свою манеру манере Бояна (автор обещает начать свою «песнь» по былинам сего времени, а не по «замышлению Бояню»), однако это противопоставление потому-то и возможно, что он считает Бояна своим предшественником в том же роде поэзии, в каком творит и сам. Не исключена возможность, что автор «Слова» предназначал свое произведение для пения.

Связь «Слова» с произведениями устной народной поэзии яснее всего ощущается в пределах двух жанров, чаще всего упоминаемых в «Слове»: «плачей» и песенных прославлений — «слав», хотя далеко не ограничивается ими. «Плачи» и «славы» автор «Слова» буквально приводит в своем произведении, им же он больше всего следует в своем изложении. Их эмоциональная противоположность друг другу дает ему тот обширный диапазон чувств и смен настроений, который так характерен для «Слова».

Близко к «плачам» и «золотое слово» Святослава. «Золотое слово» «съ слезами смѣшено», и Святослав говорит его, обращаясь, как и Ярославна, к отсутствующим — к Игорю и Всеволоду Святославичам.

Автор «Слова» как бы следует мысленно за полком Игоря и мысленно его оплакивает, прерывая свое повествование близкими к «плачам» лирическими отступлениями. «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине!»

Связь «плачей» с лирической песнью особенно сильна в так называемом плаче Ярославны. Автор «Слова» как бы цитирует плач Ярославны: приводит его в более или менее большом отрывке или сочиняет его за Ярославну, но в таких формах, которые действительно могли ей принадлежать.

Не менее активно, чем «плачи», участвуют в «Слове» песенные «славы». С упоминания о «славах», которые пел Боян, «Слово» начинается. «Славой» Игорю, Всеволоду, Владимиру и дружине «Слово» заключается. «Славы», в противоположность «плачам», были очень тесно связаны с княжеским бытом, и эта связь постоянно заметна в «Слове». Славу поет князьям Боян; славу поют князьям девицы и иноземцы. «Славы», по-видимому, исполнялись по-разному, но пелись они всегда князьям в определенной обстановке (пир в гриднице, возвращение князя в родной город и т. п.).

Итак, «Слово» очень близко к «плачам» и «славам» (песенным прославлениям). И «плачи», и «славы» очень часто упоминаются в летописях XII—XIII веков... «Слово» близко к ним и по своей форме, и по своему содержанию, но в целом это, конечно, не «плач» и не «слава»: народная поэзия не допускает смешения жанров. «Слово» — произведение книжное, но близкое к этим жанрам народной поэзии. Это, по-видимому, особый род книжной поэзии, может быть еще не успевший окончательно сложиться и оформиться.

Как определить, было ли «Слово» первым произведением в том новом, своеобразном поэтическом роде, в котором оно написано, или оно уже имело за собой какую-то традицию? Время ли не сохранило нам его предшественников, или их не было вовсе?

К сожалению, от времени, предшествующего «Слову», до нас не дошло ни одного произведения, которое хотя бы отчасти напоминало «Слово» по своему характеру. В памятниках XIII века мы можем найти отдельные аналогии «Слову» в деталях, в отдельных приемах ораторской или поэтической речи, но не в целом. Мы имеем в виду следующие три произведения: похвалу Роману Мстиславичу Галицкому, содержащуюся в Ипатьевской летописи под 1201 годом, «Слово о погибели Русской земли» и «Похвалу роду рязанских князей», дошедшую до нас в составе повестей о Николе Заразском. Все эти три произведения обращены к прошлому, что составляет в них основу для сочетания «плача» и похвалы. Каждое из них сочетает книжное начало с духом народной поэзии «плачей» и «слав». Каждое из них тесно связано с дружинной средой и дружинным духом воинской чести.

Следовательно, «Слово о полку Игореве» не одиноко в своем сочетании «плача» и «славы». Оно, во всяком случае, имеет своих преемников, если не предшественников. И вместе с тем на фоне похвалы Роману, «Похвалы роду рязанских князей», «Слова о погибели...» «Слово о полку Игореве» глубоко оригинально. Оно насыщено дружинными понятиями, но основная идея «Слова» не дружинная. Автор «Слова о полку Игореве» сумел подняться над ограниченностью дружинной идеологии, сумел стать выразителем народных взглядов, народного отношения к прошлому и настоящему родины.

Вместе с тем и сочетание «плача» со «славой» во всех трех произведениях XIII века несколько иное, чем в «Слове о полку Игореве». Похвала Роману, «Похвала роду рязанских князей», «Слово о погибели...» — это произведения, в основном, о славном прошлом родины, это «славы» ушедшему и «плачи» о настоящем. «Слово о полку Игореве» — это «плач» о настоящем и до известной степени «слава» будущему Руси.

В отличие от всех трех упомянутых нами для сравнения произведений XIII века, «Слово о полку Игореве» хотя и скорбно в отдельных частях, но в сущности глубоко оптимистично. Оптимистично оно и заканчивается.

Итак, «Слово» — книжное, письменное произведение, очень сильно зависящее от устной поэзии. Поскольку в «Слове» письменное произведение вступило в связь с устной поэзией и произошло столкновение жанровых систем, жанровая природа «Слова» оказалась неопределенной. В «Слове о полку Игореве», как и в «Слове о погибели Русской земли», как и в «Похвале роду рязанских князей», как и в похвале Роману Галицкому, мы имеем еще не сложившийся окончательно, новый для русской литературы жанр — жанр нарождающийся, близкий к ораторским произведениям, с одной стороны, к «плачам» и «славам» народной поэзии — с другой.

Знакомство со «Словом» отчетливо обнаруживается в последующем развитии древней русской литературы.

Так, в самом начале XV века «Слово» послужило литературным образцом для создания «Задонщины». «Задонщина» — небольшое произведение, посвященное прославлению победы Дмитрия Донского на Куликовом поле, «за Доном». «Задонщина» освещает Куликовскую битву, пользуясь образами «Слова о полку Игореве», противопоставляя печальное прошлое радости победы. Правда, автор «Задонщины» не всюду понял «Слово», искажил и ослабил многие его художественные образы. Так, например, в «Слове о полку Игореве» Днепр пробивает «каменные горы», т. е. пороги; а в «Задонщине» это отнесено к Дону — там Дон также пробивает каменные горы, но течение Дона не встречает на своем пути ни порогов, ни гор. В «Слове» «дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша», и мы знаем действительно, что половцев было много, что они как стенами обступили русское войско; в «Задонщине» же один только русский воин-монах Пересвет «свистом поля перегороди» и т. д.

Через «Задонщину», а может быть, и непосредственно, «Слово» оказало влияние и на другое произведение о Донской битве — на так называемое «Сказание о Мамаевом побоище».

В XVI веке «Слово», возможно, переписывалось в Пскове или в Новгороде (сгоревшая в пожаре 1812 года рукопись «Слова» была именно этого происхождения).

Есть основание думать, что «Слово» было знакомо автору «Поэтической повести об осадном сидении казаков в Азове», составленной в середине XVII века.

Таким образом, «Слово о полку Игореве» время от времени давало о себе знать в различных областях Руси. Его читали и переписывали, в нем искали вдохновения для собственных произведений. Созданное на юге Руси, «Слово» «не затерялось, — по выражению академика А. С. Орлова, — на границе дикого поля; оно обошло весь горизонт русской территории, не раз пересекло его окружность»¹.

Когда «Слово» было открыто в начале 90-х годов XVIII века, оно не было понятно в своей идейной сущности, частично в своих исторических реалиях и в отдельных местах текста. Особенно ярко неподготовленность ученых конца XVIII века к пониманию «Слова» выразилась в неправильном разделении его текста на слова. В рукописи «Слова», по свидетельству видевших ее, текст был написан в сплошную строку, без деления на слова, и последнее пришлось производить самим первым издателям. Не были понятны идеи «Слова», его призыв к единению, связи «Слова»

¹ Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М.; Л., 1946. С. 6.

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

О

ПОХОДЪ НА ПОЛОВЦОВЪ

УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО

ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

ПИСАННАЯ

СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ

ВЪ ИСХОДѢ XII СТОЛѢТІЯ

съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА

Въ Семашской Типографіи,

1800.

Искъ Арсентіо Барда новову трубадуру,

даритъ

авторъ Трученевъ.

въ знакъ дружбы, на свидѣніи любви.

1800 нояб. 24.

с русской и украинской народной поэзией, не был определен язык, на котором написано «Слово».

Наше современное понимание — результат длительного изучения «Слова», его эпохи, памятников древнерусской литературы, истории русского языка, русской народной поэзии, древней русской культуры в целом и т. д. Многие в «Слове» было подтверждено позднейшими открытиями различных памятников древнерусской литературы — «Задонщины», известной приписки в псковском «Апостоле» 1307 года, «Слова о гибели Русской земли» и т. д. Только безнадежно испорченные места — каких, кстати, много и в других памятниках древней русской литературы, особенно тех, которые, как и «Слово», дошли до нас в единственном списке, — остаются до сих пор без удовлетворительного объяснения.

Не было ни одного крупного русского ученого-филолога, который не писал бы о «Слове». Всего в исследовательской литературе насчитывается более 1000 работ о нем.

Первая половина XIX века в изучении «Слова» отмечена существованием скептического отношения к его подлинности у ряда тогдашних ученых. Отношение это было порождено так называемой скептической школой русской историографии. Оно явилось лишь частным случаем общего скептицизма, который проявляется в отношении всех основных памятников древней русской письменности представителями этой школы. Скептики сомневались в подлинности всех памятников XI—XII веков, которые противоречили их невежественным представлениям об уровне древней русской культуры: древнейшей летописи, которую они считали составленной в XIV веке, «Русской Правды», договоров Олега и Игоря с греками, «Поучения» Владимира Мономаха, сочинений Кирилла Туровского и, конечно, «Слова о полку Игореве». Они не щадили даже фактов, подтвержденных многими свидетельствами, и сомневались в том, что, по существу, являлось очевидностью.

Скептицизм первой половины XIX века в отношении «Слова» пришел к своему концу по двум причинам. Во-первых, изжила себя и перестала существовать сама скептическая школа. Во-вторых, скептицизм в отношении «Слова» исчезал, по мере того как открывались новые факты, подтверждавшие подлинность «Слова», по мере того как вполне удовлетворительно объяснялись отдельные темные места «Слова», подыскивались к нему параллели в других древнерусских памятниках, прояснялся и изучался язык «Слова», объяснялась идейная сторона этого произведения, выяснялись те или иные исторические обстоятельства, упомянутые в «Слове», выявлялись связи «Слова» с фольклором, создавались правильные представления о культуре Древней Руси.

Особенное значение в опровержении мнений скептиков о «Слове» имело открытие «Задонщины» в 1852 году. Это открытие поставило скептиков в крайне затруднительное положение. Нельзя было сомне-

ваться, что «Задонщина» возникла не позднее XV века, что подтвержда-лось и подлинными рукописями «Задонщины», и самим ее текстом. И вот замечательно, что «Задонщина» оказалась явным подражанием «Слову о полку Игореве»! Вот почему позднее, уже в наше время, когда была сделана на Западе известным французским славистом профессором А. Мазоном попытка возродить скептическое отношение к «Слову», он принужден был прежде всего постараться «реабилитировать» «Задонщину»: он стремился доказать, вопреки текстологической очевидности, что не «Слово» повлияло на «Задонщину», а «Задонщина» на «Слово».¹

В своем построении А. Мазону пришлось встать в вопиющее проти-воречие с фактами. Он уверяет своих читателей: 1) что «Задонщина» — произведение высокохудожественное, а «Слово» — слабое;² 2) что «Задонщина» была открыта не в 1852 году, а в конце XVIII века, но что список ее был якобы скрыт и нарочно уничтожен; 3) что это сокрытие и уничтожение произведения о величайшей победе России, принесшей ей освобождение от татаро-монгольского ига, было сделано в шовинистических целях: чтобы создать на основе этого подлинного произведения о победе русских подложное произведение об их поражении и при этом в угоду «империализму» Екатерины II, чтобы польстить ее чувствам завоевательницы юга и расширительницы границ России на западе и т. д.; 4) что первые издатели «Слова» нарочно не понимали его текст, чтобы создать видимость подлинности и т. д.

В западной науке А. Мазону удалось убедить в своих суждениях о поддельности «Слова» только некоторых слабо знакомых с текстами древнерусских произведений исследователей. Подавляющее большинство западноевропейских и американских ученых филологов, писавших о «Слове», выступило против концепции А. Мазона.

Более 175 лет находится «Слово о полку Игореве» в поле зрения издателей, исследователей, переводчиков, поэтов, художников, композиторов и просто читателей.

«Слово о полку Игореве» стало живым явлением не только литера-туры древней, но и новой — XIX и XX веков. Поэты не только переводили «Слово», но и использовали его образы в своих произведениях. Поэти-ческие инкрустации из «Слова» вносили в свою поэзию А. Радищев (в «Песнях, петьх на состязаниях в честь древним славянским божест-вам»), В. Жуковский (в «Певце во стане русских воинов»), А. Пушкин (в «Руслане и Людмиле»), К. Рылеев (в стихотворениях «Боян», «Влади-

¹ Еще до А. Мазона французский славист Луи Леже высказал пред-положение, что «Слово» — позднее подражание «Задонщине».

² Впрочем, в одной из своих последующих работ А. Мазон считал «Слово» более высоким в художественном отношении произведением, чем «Задонщина».

мир Святой», «Рогнеда»), Ф. Глинка («Ярославны голос слышится...», «Сетования русской девы»), Н. Языков («Песнь барда»), И. Козлов («Плач Ярославны»), А. Островский (в «Снегурочке»), В. Соловьев (в стихотворении «Ответ на плач Ярославны»). С удивительным искусством использованы образы «Слова» в стихах о России А. Блока, в стихах Валерия Брюсова, М. Волошина, С. Городецкого, в произведениях И. Бунина. Образами «Слова» наделяет свою повесть «Кровный узел» Б. Лавренев. «Слово» звучит в «Думе про Опанаса» Э. Багрицкого, в стихах М. Цветаевой, А. Прокофьева, Н. Рыленкова, П. Тычины, М. Рыльского, Л. Первомайского, М. Бажана и многих других. Образы «Слова» несут в себе удивительную поэтическую силу; они используются поэтами наряду с образами устного народного творчества. Внесенные в современную поэзию, они помогают ощутить связь времен, извечность патриотических чувств, вечность пейзажей нашей родины, особенно степных.

«Слово о полку Игореве» вошло в русскую музыку: опера А. П. Бородина «Князь Игорь» стала одним из любимейших произведений оперного слушателя. Сюжеты «Слова» широко использовались в живописи. Напомним картины В. Г. Шварца «Плач Ярославны» и «Боян», В. Г. Перова «Плач Ярославны» и особенно знаменитую картину «После побоища Игоря Святославовича с половцами» В. М. Васнецова, а также этюды, эскизы и декорации к опере Бородина «Князь Игорь» Н. Рериха, «Вещее затмение» А. Ф. Максимова, иллюстрации к «Слову» В. А. Фаворского (часть из них помещена в этой книге) и палехского художника И. И. Голикова.

«Слово» переводили В. Жуковский, А. Майков, Л. Мей, подготовительные материалы к переводу «Слова» оставил Пушкин. Переводил «Слово» и Т. Шевченко. Превосходный перевод «Слова» на белорусский язык принадлежит Янке Купале.

«Слово» было переведено на многие языки народов СССР, на все славянские языки и на многие языки мира. Переводы «Слова о полку Игореве» принадлежат крупнейшим поэтам — Юлиану Тувиму на польский язык, Райнеру Марии Рильке на немецкий, поэту Филиппу Супо на французский, Людмилу Стоянову на болгарский; многократно «Слово» переводилось на японский язык.

Работы о «Слове» выходят в Америке и Японии, в Индии и Финляндии, в Китае и Италии, в Чехословакии и Болгарии... «Слово» привлекает исследователей самых различных стран сочетанием общечеловеческого содержания с национальным, типичных средневековых особенностей художественной формы с непреходящими эстетическими ценностями. Его поэтические достоинства приобрели ценителей во всех странах мира. Оно стало явлением мировой поэтической культуры.

Д. С. Лихачев